

ОБ ИДЕОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН В РОССИИ

В. И. Буганов

В последние десятилетия по истории крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. опубликовано несколько монографий и коллективных трудов, много статей, проведены обсуждения важнейших принципиальных вопросов (причины и предпосылки, хронологические и географические рамки, движущие силы и идеология, причины поражения и последствия крестьянских войн). В процессе этой большой творческой работы достигнуты положительные сдвиги в исследовании указанной проблемы: подробно рассмотрены социально-экономическая обстановка накануне крестьянских войн, их предпосылки, ход этих народных движений и др.¹ Однако ряд вопросов, касающихся истории крестьянских войн, в силу определенных недочетов методологического и методического характера (в том числе недостаточного внимания к источниковедческой стороне дела) до сих пор остается малоизученным; решение некоторых из них является спорным, вызывает серьезные разногласия.

В последнее время ставится вопрос о необходимости более глубокого изучения идеологических, политических представлений участников народных движений, в том числе крестьянских войн. Эта проблема приобретает особое научное значение в наше время, когда советская общественность отметила 300-летие второй Крестьянской войны в России и отмечает 200-летие Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. В более широком плане она связана с изучением идеологии крестьянства вообще, его роли в классовой борьбе в феодальной России, а позднее — в революционном движении периода капитализма и империализма в качестве союзника пролетариата. Постановка этой проблемы тем более важна, что в работах некоторых исследователей в последние годы проявилась определенная недооценка роли крестьянских движений, в частности крестьянских войн, в истории феодально-крепостнической России, отрицание наличия идеологии у их участников². Этот нигилистический подход связан с наметившимися у отдельных авторов тенденциями к пересмотру некоторых принципиальных оценок роли крестьянства и его классовой борьбы в феодальной России. Так, А. Я. Аврех выступил с тезисом о крестьянстве как массовой социальной опоре русского самодержавия; он полагает, что в советской историографии сильно преувеличивается влияние классовой борьбы крестьян и других слоев населения на

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951; И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. I. Л. 1966; т. II, ч. I. Л. 1972; Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина 1707—1709. М. 1962; В. И. Лебедев. Булавинское восстание (1707—1708). М. 1967; «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. I—III. Л. 1961—1970.

² См. об этом: И. И. Минц, М. В. Нечкина, Л. В. Черепнин. Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития. «История СССР», 1973, № 5, стр. 10.

складывание абсолютизма в России³. Н. И. Павленко в плане «оценки борьбы крестьян против феодальной эксплуатации, оценки крестьянской идеологии периода феодализма» оспаривает правомочность употребления таких понятий, как «антифеодальная борьба», «антифеодальное восстание» применительно к истории классовой борьбы в России XVII—XVIII веков. По его мнению, это делать нельзя потому, что участники восстаний (следовательно, в первую очередь крестьяне) выступали не против феодально-крепостнического строя в целом, а только против отдельных его представителей⁴. Б. Г. Литвак с этих же позиций осуждал «переоценку или модернизацию крестьянского движения периода феодализма, неглубокое понимание объективных источников крестьянского монархизма и его значения в истории российского абсолютизма»⁵. Акад. Л. В. Черепнин по поводу этого справедливо отметил: «Б. Г. Литвак полагает, что крестьяне боролись не против феодализма, а против его представителей, не против феодального государства, а против тех, кто стоял во главе его. Конечно, боролись люди против людей, но одни составляли господствующий класс, другие — класс эксплуатируемый. Борьба шла за насущные интересы, но возможность удовлетворения этих интересов упиралась в существующие порядки. Конечно, крестьяне не понимали и не могли понять основ феодальной общественной системы, но их стихийный протест против созданных ею условий существования в конечном итоге был направлен против нее самой. И как бы ни персонифицировалось направление классовой борьбы, она была классовой, антифеодальной»⁶.

По существу, указанные ошибочные взгляды свидетельствуют о явной недооценке их авторами роли крестьянства, его классовой борьбы в истории феодальной формации в России. С подобными концепциями, ведущими к принижению значения классовой борьбы русского крестьянства в истории России периода феодализма, тесно связаны и высказываемые в последнее время суждения об идеологии участников крестьянских войн, по существу, отрицающие ее наличие у русских крестьян вплоть до начала XX века.

В некоторых статьях, выступлениях на симпозиумах и других научных форумах отдельные исследователи высказываются в том духе, что поскольку в среде восставших не было «идеологов», то невозможно говорить об их идеологии, политической программе и т. д. Так, Б. Г. Литвак и Р. В. Овчинников пишут: «Движение Е. И. Пугачева не имело своих идеологов, потому важнейшим источником, отражающим замыслы и помыслы восставших, служат указы и манифесты Пугачева — «императора Петра III». Далее, перечисляя пожалования первых пугачевских манифестов, авторы особо останавливаются на обещании «всякой вольности». Но поскольку оно адресовано «всякого звания людям» (в том числе и крепостным, и оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, и «директору» И. Тимашеву), то, по мнению авторов, «социальное содержание этого «пожалования» весьма туманно». В целом «объективный смысл» «крестьянской программы-утопии», о чем можно судить прежде всего по знаменитому июльскому (1774 г.) манифесту Пугачева, заключался в «полной ликвидации класса помещиков», уничтожении личной зависимости крестьян, и именно это и только это получило реальное осуществле-

³ А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. «История СССР», 1968, № 2, стр. 101; его же. Утраченное «равновесие». «История СССР», 1971, № 4, стр. 64—67; «К дискуссии об абсолютизме в России». «История СССР», 1972, № 4, стр. 78.

⁴ Н. И. Павленко. По поводу книги М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева». «История СССР», 1968, № 3, стр. 106.

⁵ «К дискуссии об абсолютизме в России», стр. 74.

⁶ Там же, стр. 76.

ние на территории, захваченной восставшими⁷. Поскольку восставшие ставят вопрос о переходе крепостных в сословие государственных крестьян с правами и обязанностями казаков, то, следовательно, «крестьянская утопия строится из подсобного материала, который ей предоставляет феодальное общество: ведь казачья «вольность» — это также составная часть феодального, а не какого-либо иного общества»⁸. В этих рассуждениях ясно обнаруживается противоречивость позиции авторов: с одной стороны, они пишут об отсутствии у повстанцев «идеологов» и, следовательно, идеологии (авторы говорят только о «замыслах и помыслах», к идеологии, вероятно, ими не причисляемых), с другой — об утопической, но все же целой «программе» борьбы.

С этими положениями тесно связана и общая, столь же противоречивая оценка Крестьянской войны 1773—1775 гг.: с одной стороны, это «одно из крупнейших антифеодальных выступлений народных масс России», которое наложило отпечаток на всю последующую историю страны⁹, с другой — «восстание Е. И. Пугачева остается за пределами революционного, «освободительного движения», в ленинском понимании этого термина, прежде всего потому, что ни объективно, ни субъективно оно не было направлено против самодержавия...», а зарождение освободительного движения и возникновение революционных ситуаций в России В. И. Ленин относил только к XIX веку. По мнению обоих авторов, само определение «крестьянской войны» требует «уточнения», поскольку «крестьянское движение в России того времени было направлено не на ликвидацию крепостнической системы в целом, то есть смену способа производства, а на борьбу против дворянства и режима феодальной эксплуатации»¹⁰.

Некоторые специалисты полагают, что для крестьянства феодальной России характерно наличие только социальных чаяний и помыслов, то есть «нижнего этажа» общественного сознания, социальной психологии. В результате этого русские крестьяне, в том числе и участники крестьянских войн, были, по мнению этих исследователей, способны лишь на интуитивное понимание необходимости борьбы с феодалами, но не могли оформить свои убеждения, помыслы и чувства (классовую психологию) в антифеодальную идеологию, которая относится к «верхнему этажу» общественного сознания. Поскольку идеология определенного класса сознательно разрабатывается мыслителями, занимающимися теоретической деятельностью (идеологами данного класса), которые должны иметь не только образование, специальные научные знания, но и свободное время, то идеология появляется у крестьян якобы не ранее начала XX в., в эпоху первой русской революции¹¹. Правда, значительно раньше интересы крестьянства выражали представители других сословно-классовых групп, например, еретики XVI в. из городских плебеев (Феодосий Косой), «идеолог русского купечества» конца XVII — начала XVIII в. И. Т. Посошков, дворянский революционер А. Н. Радищев, революционеры-демократы, народники. Однако революционная идеология, по утверждению данных авторов, не была усвоена «широкими мас-

⁷ Б. Г. Литвак, Р. В. Овчинников. Крестьянская война 1773—1775 гг. К 200-летию восстания под предводительством Е. И. Пугачева. «Вестник» АН СССР, 1973, № 9, стр. 117—118.

⁸ Там же, стр. 118.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Там же, стр. 116—117.

¹¹ Б. Г. Литвак. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. «История и психология». М. 1971, стр. 200; М. А. Рахматуллин. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М. 1970; его же. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России. «Вопросы аграрной истории центра и северо-запада РСФСР». Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск. 1972; П. Г. Рындзюнский, М. Рахматуллин. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны 1773—1775 гг. «История СССР», 1972, № 2, стр. 82—83.

сами» русского крестьянства. «идеология и крестьянское движение существовали параллельно, и только 1905 год озарился слабым светом политического сознания крестьянства»¹². При этом следует отметить, что высказывающий данные положения М. А. Рахматуллин, противореча самому себе, вынужден признать, что крестьяне все же имели свою идеологию, или, вернее, свой «оттенок общей с феодалами религиозной идеологии»¹³.

Подобные нечеткие и противоречивые оценки могли появиться в связи с недостаточно внимательным изучением теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма по данной проблеме и источников по истории крестьянского движения.

Недооценка крестьянских войн имеет давние традиции. Дворянско-буржуазная историография XVIII — начала XX в., как известно, игнорировала или фальсифицировала факты народной борьбы с угнетателями. Ее представители утверждали при этом, что классовая борьба крестьян против феодалов не нужна, анархична, подчеркивали «кровожадность» повстанцев, нарушавших нормальное течение государственной жизни и, следовательно, выступавших с антигосударственных позиций. В целом же крестьяне изображались ими послушными воле царя и дворян.

Представители меньшевистской историографии, например, Г. В. Плеханов и Н. А. Рожков, отрицавшие, как известно, роль крестьянства в революционном движении конца XIX — начала XX в., выступали с тезисами о бесплодности, реакционности крестьянских восстаний в феодальной России, поскольку требования повстанцев, с их точки зрения, звали не вперед, а назад; Плеханов смотрел на крестьянство как на верную опору великокняжеской власти¹⁴. Ошибочность подобных утверждений, которые непосредственно связаны с вопросом об идеологии крестьянства, его роли в истории классовой борьбы и тем самым в истории феодальной формации в целом, неоднократно разоблачал В. И. Ленин. Идею меньшевиков о реакционности крестьянского движения он называл «чудовищной, идиотской, ренегатской», «чудовищным извращением марксизма»¹⁵. Подобные ошибочные концепции давно отвергнуты в советской историографии, но их отзвуки до сих пор дают себя чувствовать в работах отдельных исследователей.

В трудах основоположников научного социализма сформулированы положения, которые в совокупности представляют собой марксистско-ленинское учение об идеологии — ее сущности, разновидностях, историческом развитии.

Идеология, как известно, является одной из форм общественного сознания и представляет собой комплекс идей, стремлений, требований, выражающих коренные интересы определенных групп людей, классов¹⁶. Поскольку не может быть класса, не имеющего коренных интересов, которые он защищает, постольку не может быть классов без своей идеологии; любая идеология не может не носить классовый характер, не защищать интересы своего класса. Таким образом, понятие «идеология» имеет широкое значение, и основоположники научного социализма именно в этом широком смысле употребляют его, подразумевая под идеологией взгляды, требования антагонистических классов. Вместе с тем в их работах это понятие применяется (причем гораздо чаще) для характеристики пролетарской идеологии, то есть научного социализма, марксиз-

¹² М. А. Рахматуллин. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина, стр. 417—419.

¹³ Там же, стр. 441.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XX. М.-Л. 1925, стр. 76, 104—105.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 229.

¹⁶ В данной статье, посвященной классовой борьбе в России XVII—XVIII вв., речь идет, естественно, об идеологии противостоящих друг другу классов в антагонистических феодальном и отчасти (в сравнительно-историческом плане) капиталистическом обществах.

ма — научного мировоззрения в отличие от других форм идеологии эксплуатируемых в рамках рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах употребляли понятия «идеология», «идеологическая надстройка», «идеологические формы» в указанном выше широком смысле, включая в них взгляды, идеи религиозного, социально-политического, этического, эстетического характера¹⁷. Они говорили о религиозной форме идеологии в эпоху феодализма. Ф. Энгельс в одной из своих работ пишет, что история средних веков знала «только одну форму идеологии: религию и теологию». По В. И. Ленину, идеологическая борьба между антагонистическими классами «шла в форме борьбы *одной религиозной идеи* против» другой в рамках одной религии, «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»¹⁸. Эти высказывания ясно свидетельствуют о том, что, по мнению Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в средние века религия являлась формой идеологии, что эта форма скрывала различное содержание: с одной стороны, идеологию господствующего класса, с другой — идеологию эксплуатируемого класса; между этими идеологиями шла борьба, опять же в религиозной оболочке; в последней проявлялись и «выступления политического протеста».

В ряде произведений В. И. Ленина имеются важные положения об идеологии, ее классовом характере, формах, разновидностях — буржуазной, мелкобуржуазной, пролетарской. Главное место в его трудах занимала разработка вопросов истории идеологии нового времени — революционно-демократического и особенно пролетарского этапов освободительного движения в России; естественно, что именно с точки зрения задач революционной борьбы пролетариата в конце XIX — начале XX в. он подходил к оценке роли других классов, их идеологии. В центре его внимания находились вопросы выработки научной, марксистской, пролетарской идеологии. Именно сравнение с этой идеологией дает В. И. Ленину основание для тех или иных критических замечаний по поводу идеологии предшествующего времени, в частности идеологии русского крестьянства.

Но это отнюдь не означает, что В. И. Ленин отрицал наличие идеологии эксплуатируемых классов в предшествующее время, до пролетарского этапа революционного движения. Наоборот, многократно возвращаясь к обоснованию задачи выработки научной, пролетарской идеологии, он попутно ставит важные вопросы общего порядка — об идеологии в классовом обществе в целом, ее классовом характере, эволюции и т. д. В труде «Что делать?» он указывает, что, поскольку «о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология». И далее продолжает: «Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)»¹⁹. Таким образом, мысль В. И. Ленина заключается в следующем: человечество на всем протяжении истории классового общества вырабатывало идеологии противоборствующих классов.

В «Письме «Северному союзу РСДРП» (1902 г.) В. И. Ленин пишет: «Социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата,

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 25; т. 13, стр. 7; т. 21, стр. 312—314; Е. В. Гутнова. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья. «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 52.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 294; В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 228; т. 48, стр. 232.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 39—40.

подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами²⁰. В одной из философских работ В. И. Ленин высказывает важную мысль об исторической «условности» идеологии, об отличии научной идеологии от ненаучной (религиозной): «Исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»²¹.

Из всего вышесказанного можно заключить, что В. И. Ленин, уделяя главное внимание проблеме научной, марксистской идеологии пролетарского периода революционного движения, которую он противопоставлял всем другим видам и формам идеологии, в то же время подчеркивал, что идеология как форма общественного сознания присуща докапиталистическим классовым обществам, что она является там классовой по своему содержанию, религиозной по форме, что она, наконец, исторически условна и, следовательно, изменяется в направлении от ненаучной, «смутной» к научной; в частности, идеология эксплуатируемых в своем развитии приходит в конечном счете к идеологии научного социализма. Она разрабатывается научно, усваивается передовыми представителями рабочего класса и вносится в его ряды, вытесняя различные формы враждебной научному социализму идеологии (например, буржуазной тред-юнионистской и др.). Исходя из этой мысли В. И. Ленина, можно заключить, что идеология эксплуатируемых в феодальном обществе (прежде всего крестьян) оформляется (не в научной, конечно, форме, не в виде стройного учения) в результате деятельности их представителей (вождей крестьянских войн, их соратников и помощников и т. д.) в годы классовых сражений и повседневной борьбы с эксплуататорами.

О вытеснении одной разновидности идеологии русского крестьянства другой в новейшее время В. И. Ленин писал: «В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию»²². Из этих слов следует, что В. И. Ленин имеет в виду не ту крестьянскую идеологию, которая вырабатывалась под влиянием пролетарской идеологии в начале XX в., а ту, которая к этому времени «все более вытесняется» под влиянием развития капиталистических отношений России, а складывается, очевидно, раньше.

Необходимо отметить, что названные выше авторы, отрицающие наличие идеологии у русского крестьянства до начала XX в., столь же решительно утверждают, что и русский пролетариат до конца XIX в., по существу, не имел идеологии. При этом они тоже ссылаются на В. И. Ленина. Так, Б. Г. Литвак, цитируя ленинские слова о том, что «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»²³, пишет: «Как рабочий класс не может выработать социал-демократической идеологии и «в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское», так и крестьянство не может выработать антифеодальной идеологии; оно имело только «крестьянскую психологию — основу, нижний этаж идеологии»²⁴. Вероятно, автор считает «тред-юнионистское сознание» не идеологией, а «рабочей психологией». Однако В. И. Ленин называет тред-юнионистское сознание не чем иным, как

²⁰ Там же, стр. 362—363.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 138.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 213.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 30.

²⁴ Б. Г. Литвак. Указ. соч., стр. 200; см. также П. Г. Рындзюнский, М. А. Рахмантуллин. Указ. соч., стр. 82.

буржуазной идеологией. В той же работе, написанной, как известно, в 1901—1902 гг., он отмечает: «И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гириш-дункеровские, основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические»²⁵. Следовательно, В. И. Ленин говорит не только о социалистической идеологии, свойственной немецкому рабочему классу, но и об идеологиях тред-юнионистской (буржуазной) и католически-монархической.

Таким образом, понятие «идеология» В. И. Ленин применял в двух смыслах: в более узком смысле он имел в виду научную, марксистскую, социалистическую идеологию, в более широком — определенный комплекс взглядов, идей, свойственный классам эксплуататоров и эксплуатируемых во всех антагонистических обществах.

Учение основоположников марксизма-ленинизма об идеологии находится в тесной связи с их учением о классовой борьбе как движущей силе истории, о гражданских войнах как высшей форме классовой борьбы в антагонистических обществах и дает ключ к изучению идеологии и классовой борьбы русского крестьянства. Крестьянские войны В. И. Ленин считал гражданскими войнами феодального общества эпохи крепостного права. Гражданские войны свойственны, по В. И. Ленину, «всякому классовому обществу»; это войны «угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии», «естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение (или «крайнее обострение». — В. Б.) классовой борьбы»²⁶. Отмечая особенности крестьянства как класса (темнота, забитость, разобщенность, отсталость и т. д.), В. И. Ленин в то же время неоднократно говорит о его революционном «потенциале» и подчеркивает значение его как союзника пролетариата в русской революции.

Поскольку классовая борьба в антагонистическом обществе — это столкновение непримиримых интересов эксплуатируемого большинства с эксплуататорским меньшинством, постольку и идеология участников народных движений отражает взгляды, требования большинства, является его оружием в борьбе против угнетателей.

В отличие от идеологии — высшей сферы общественного сознания — в жизни и деятельности антагонистических обществ и составляющих их классов немалое значение имеет низшая в сравнении с идеологической социально-психологическая сфера. Социально-психологические представления каждого класса — это сочетание социальных настроений и чувств, общественных обычаев, традиций, привычек. Исходя из неразвитости идеологических, социально-политических представлений угнетенных классов в докапиталистических формациях, некоторые исследователи выдвигают тезис об отсутствии у них идеологии и наличии только низшей сферы общественного сознания, то есть социально-психологической, социальных помыслов и чаяний.

В сравнении с научной пролетарской идеологией идеологические взгляды и представления угнетенных классов, сословий в докапиталистических формациях являются, конечно, отсталыми, примитивными. Идеология трудящихся масс, в том числе русского крестьянства, в начале XX в., разумеется, отличается от идеологии эксплуатируемых в XVII—XVIII веках. Однако признание этого факта не дает оснований отрицать ее наличие вообще для XVII—XVIII веков. Хотя крестьянская идеология феодальной России была «смутной» и утопической, ее тем не менее

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 41.

²⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 311; т. 30, стр. 73, 133; т. 35, стр. 192; т. 39, стр. 77.

вряд ли можно свести к социальной психологии. Отрицание наличия идеологии у феодально зависимого крестьянства неизбежно приводит к заключению о том, что русское крестьянство будто бы целиком зависело в идеологическом плане от своего классового врага — феодалов, не смогло противопоставить их идеологии (которая тоже, конечно, была «смутной», ненаучной, отсталой и т. д.) свою идеологию даже в периоды острых классовых столкновений — крестьянских войн. Такое идейное «разоружение» крестьян феодальной России едва ли выдерживает критику в плане исторического подхода и классового анализа. На примере истории западноевропейского крестьянства Е. В. Гутнова показала, что сведение всей духовной жизни средневекового крестьянства только к социальной психологии опирается на автоматическое перенесение в условия докапиталистических формаций современного содержания понятия «идеология», что к идеологии крестьян нужно подходить исторически (то, что сегодня в их взглядах представляется стихийным, в условиях средневековья могло означать относительно высокую степень сознательности в сравнении с предшествующим временем). Тот же автор отмечает, что тенденция к отрицанию у средневекового крестьянства самостоятельной идеологии, свойственная современной буржуазной историографии, связана с ее стремлением доказать отсутствие в феодальном обществе классовых и идейных противоречий²⁷.

Проблема соотношения социальной психологии и идеологии довольно сложна; в реальной жизни во все эпохи, вплоть до наших дней, эти две сферы общественного сознания сосуществуют, взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга²⁸. Г. В. Плеханов говорил, что «все идеологии имеют один общий корень — психологию данной эпохи»²⁹. Но, как резонно замечает Б. Ф. Поршнев, «справедливо и обратное: идеология глубочайшим образом воздействует на общественную психологию»; он же указывает, что, «если мы станем рассматривать идеологию только как сгусток общественной психологии, утрачивается возможность представить себе преемственность, относительную внутреннюю логику в развитии идеологии от одного этапа к другому. Очевидно, правильнее считать, что обе стороны общественного сознания, психика и идеи, имеют каждая свою структуру, свои специфические закономерности»³⁰.

Конечно, идеология эксплуататорских классов в антагонистических обществах занимала господствующие позиции: их представители имели возможности (средства, образование, свободное время) для разработки идеологических взглядов, в их распоряжении были разнообразные способы воздействия, в том числе и идеологического, на народные массы, и они использовали все, что только можно, для идеологического обоснования своего господства. Идеологии эксплуататоров в феодальной России противостояла идеология, выражавшая взгляды эксплуатируемых. Однако обе эти идеологии имели ненаучный характер. Идеология эксплуататоров исходила из идей провиденциализма, то есть из богоустановленности существующей системы эксплуатации большинства меньшинством. Идеология эксплуатируемых была отмечена чертами социального утопизма, поскольку, обосновывая борьбу с системой эксплуатации, она не могла дать правильное направление, определить перспективу этой борьбы.

Эксплуататоры во все времена стремились выдать свои интересы, свою идеологию за интересы, идеологию всего общества. Так было и в России XVII—XVIII вв., когда ее господствующий класс стремился представить интересы дворян как интересы «всей земли», всего народа. Одна-

²⁷ Е. В. Гутнова. Указ. соч., стр. 53, 54.

²⁸ Б. А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений. М. 1967, стр. 28—35.

²⁹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. 2. М. 1956, стр. 247.

³⁰ Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М. 1966, стр. 17.

ко социальные низы открыто и не раз выступали против феодалов в защиту собственных интересов и при этом противопоставляли взглядам, идеологии эксплуататоров свои взгляды, свою идеологию. Как в организованности, централизации своих сил они намного уступали господствующему классу, так и в плане идеологии они не могли с ним сравниться. Однако это обстоятельство отнюдь нельзя считать доводом в пользу того, что эксплуатируемые в противоположность эксплуататорам не имели своей идеологии, проявлявшейся, например, в требованиях крестьян, поднимавшихся на борьбу с феодалами. Исследователи, отрицающие наличие идеологии у крестьян России до начала XX в., допускают, на наш взгляд, несколько ошибок. Они ставят знак равенства между идеологией вообще и ее высшим проявлением — научным мировоззрением (а это не одно и то же); в этом плане идеология феодалов является столь же ненаучной, как и идеология крестьянства, эксплуатируемых вообще. Во-вторых, они недостаточно учитывают, что представления идеологические и социально-психологические (чувства, чаяния, помыслы) у любого класса любого антагонистического общества сосуществуют и развиваются одновременно. В-третьих, приверженцы данной концепции забывают, что идеология, идеологические представления всех классов и слоев в антагонистических обществах имеют разновидности, оттенки и постоянно видоизменяются, эволюционируют. Идеология, без которой не может обойтись ни один из антагонистических классов, сословий, групп, — явление сложное, исторически изменчивое, развивающееся. Односторонность в этом вопросе, модернизация явлений прошлого, забвение таких принципиальных положений марксистско-ленинской методологии, как диалектический подход, классовый анализ, историзм, неизбежно приводят к искажению конкретно-исторической картины народных движений в России периода феодализма.

Вопрос о наличии или отсутствии идеологии у крестьян-повстанцев связан в конечном счете с вопросом об оценке исторической роли, о прогрессивности крестьянских движений вообще, о выработке освободительных традиций в среде народных масс феодальной России, в первую очередь в среде крестьянства — основного производящего и эксплуатируемого класса. В той же мере, как возникновение и развитие предпролетариата и затем собственно пролетариата имели одним из своих источников крестьянство, так и развитие революционных традиций борьбы пролетариата имело одним из истоков традиции классовой борьбы русского крестьянства эпохи восстаний под руководством Болотникова и Раина, Булавина и Пугачева. Эти же традиции, идеология русского крестьянства оказали существенное влияние на взгляды двух первых поколений участников русского освободительного движения, о которых писал В. И. Ленин.

Проблема идеологии крестьянских войн является составной частью проблемы идеологии народных движений в феодально-крепостнической России. Исследователи последних десятилетий, изучавшие крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XV вв., в Русском государстве XVI в., отмечают следующие их особенности, которые свойственны и более поздним проявлениям классовой борьбы русского крестьянства: разрозненность, стихийность, антифеодальный характер выступлений, религиозную форму классового протеста против эксплуатации³¹. А. А. Преображенский, изучавший историю русского крестьянства XVII—XVIII вв., исходит из правильной мысли о том, что «немыслимо себе представить

³¹ См., например: М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960; А. А. Зимин. Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI века. «Вопросы истории», 1965, № 3; В. И. Кореткий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970.

борьбу классов без столкновений идейных представлений господствующих слоев и эксплуатируемого народа. Нет и не может быть класса без идеологии, равно как идеология в антагонистическом обществе не может не быть классовой». Несмотря на незрелость, утопичность, туманность идейных воззрений русского крестьянства, они — фактор классовой борьбы, а отнюдь не явление одной только «социальной психологии». Можно согласиться с автором, что «само определение «социальной психологии» создает впечатление какого-то слишком пассивного, абсолютно недейственного состояния человека»³².

В самом деле, крестьяне и другие представители социальных низов в своей постоянной борьбе с угнетателями и особенно в годы ожесточенных классовых битв отнюдь не шли на поводу у своих классовых врагов в области идеологических представлений, а, наоборот, противопоставляли их взглядам, идеям собственные взгляды и требования; «область идеологии,— по справедливому замечанию А. А. Преображенского,— также была той сферой, где шла упорная дуэль эксплуататоров и эксплуатируемых»³³.

В России XVII в. идеология эксплуататоров отразилась в законодательных памятниках (Соборное уложение 1649 г., указы), публицистике и других документах и материалах; идеология же эксплуатируемых — в меньшем количестве памятников, которые к тому же хуже сохранились: это челобитные крестьян и горожан, некоторое количество литературных и исторических памятников (произведения сатирической литературы, сочинения раскольников, фольклор — исторические песни, пословицы и поговорки). Во время народных восстаний имела место настоящая идеологическая борьба враждующих лагерей, противостоящих друг другу классов. Так, в период первой Крестьянской войны идеологию господствующего класса пропагандировали царские указы и грамоты, проповеди церковных иерархов (проповеди и грамоты Гермогена), литературные произведения («Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия и др.), направленные против действий, стремлений и взглядов восставших. Что касается повстанцев, то они распространяли свои «прекрасные грамоты» с призывами к борьбе с феодалами, агитаторы восставших пропагандировали дело восстания, призывали к нему население³⁴. То же происходило и во время второй Крестьянской войны³⁵.

Лица, которые формулировали взгляды, стремления, требования того или иного класса, сословия, группы, большей частью неизвестны. Это, с одной стороны, приказные дьяки, составлявшие различные правительственные акты и документы, цари, патриархи и их окружение, дворяне и духовники, писавшие повести и сказания, летописцы и хронографы (князь Катырев-Ростовский, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, дворянин Б. Болтин и др.); с другой — предводители восстаний и их сподвижники (Болотников, «царевич Петр», Разин и др.), авторы челобитных, некоторые составители сказаний, повестей (например, авторы двух псковских повестей, в которых, по мнению акад. М. Н. Тихомирова, отразилась «точка зрения восставших крестьян и низов городского населения»)³⁶.

³² А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М. 1972, стр. 350.

³³ Там же, стр. 366.

³⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч.; «Восстание И. Болотникова». Документы и материалы. М. 1959.

³⁵ В. И. Буганов, Е. В. Чистякова. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России. «Вопросы истории», 1968, № 7; В. И. Буганов, С. Т. Разин. «История СССР», 1971, № 2; Е. В. Чистякова. Степан Тимофеевич Разин. «Вопросы истории», 1971, № 8.

³⁶ М. Н. Тихомиров. Псковские повести о Крестьянской войне в России начала XVII в. В кн.: М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М. 1969, стр. 11, 14—20.

«Своеобразный апофеоз политического трактата, вскрывающего с предельной ясностью классовую идеологию дворянства», А. Г. Маньков видит в известной дворянской челобитной 1660 г., содержащей «знаменитую формулу крепостного права» и посвященной разработке мер для сыска беглых крепостных крестьян и для «упрочения системы крепостного права в целом». Согласно точке зрения авторов челобитной, «в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б неповадно было божиа даяния, а вашего государского давнаго и вечнаго жалования... восхищати и неправедными прибытками богатеть; и чтоб в твоей государевой державе вси люди божи и твои государевы, кождо от великих и четырех чинов, освященный и служивый и торговый и земледельный, в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни один бы ни от единого ничим же обидим был, и коиждо людие по заповеди божи от своих прямых трудов питались». Таким образом, в этой своего рода дворянской хартии, «крепостном уставе» утверждается, что деление общества на четыре сословия (одно из которых содержало три остальные) должно быть вечным и непоколебимым. Эта «теория» нужна была авторам челобитной 1660 г. и всему дворянству XVII в. как «средство идеологического обоснования закрепощения крестьян», «политическая платформа крепостного права». А. Г. Маньков справедливо рассматривает коллективные дворянские челобитные второй половины XVII в. «как своеобразные публицистические трактаты своего времени. В них, как в фокусе, получило отражение своеобразное пересечение объективного процесса нарастания классовой борьбы крестьянства с дворянской программой развития и укрепления крепостного права как определенной правовой системы, регулирующей в интересах вотчинника и помещика производственные отношения феодального общества»³⁷.

Дворяне-челобитчики России, как и других стран, опирались на взгляды, выработанные в течение столетий их господства и угнетения простого народа их собратьями по классу — летописцами и законодателями, князьями и боярами, дворянами и приказными дельцами, «воинниками» и «от духовного чина». Началась выработка этих взглядов еще во времена Киевской Руси. Были ли эти дворяне «идеологами» своего класса, когда в 1660 г. и во многие другие годы выступали от его имени с требованиями к правительству, формулировали его взгляды в челобитных? Очевидно, были, хотя называть их «мыслителями, занятыми теоретической деятельностью, требующей не только научных знаний, образования, но и времени»³⁸, едва ли правомерно.

Лица, формулировавшие, высказывавшие взгляды и требования эксплуатируемых, проигрывали в сравнении с дворянами по всем статьям. Они не могли создать научной идеологии (как, впрочем, не сумели сделать это и дворяне). Однако и те и другие более или менее отчетливо выражали свои взгляды, требования своего класса.

Авторы «прелестных грамот», или «воровских писем» (по терминологии правительственного лагеря), формулируют требования, взгляды определенных групп людей, составляющих подавляющее большинство общества. Разин в своих речах на кругах призывал «изменников из Московского государства вывесть и черным людем дать свободу» (под «черными людьми» здесь подразумеваются не только крестьяне, но все налогоплательщики; таким образом, дворянство и духовенство в их число не входило). «Прелестные грамоты» призывали к расправам с «изменниками», «мирскими кровопивцами», они были обращены к «кабальным и опальным» и рассылались «в разные места на соблазн незнающим без-

³⁷ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.-Л. 1962, стр. 40.

³⁸ П. Г. Рындинский, М. А. Рахматуллин. Указ. соч., стр. 83.

домным людям»³⁹. В этих прокламациях в концентрированном виде отразились взгляды, идеология угнетенных низов. По существу, требования восставших во время крестьянских войн в России были в значительной степени сгустком повседневных требований эксплуатируемых.

В ходе второй Крестьянской войны, помимо кровопролитной вооруженной борьбы двух лагерей, противостоявших друг другу с оружием в руках, имела место настоящая идеологическая борьба между ними. В районах восстания и за их пределами действовали, с одной стороны, атаманы, «агитаторы», которые читали и распространяли разинские прокламации с призывами к восстанию против угнетателей, находившие немедленный отклик среди угнетенных и обиженных и сыгравшие огромную роль в ходе движения; с другой — царские воеводы, попы и посланцы, склонявшие население к «обыклову послушанию» с помощью присланных из Москвы или из уездных центров «милостивых», «обнадеживанных» грамот, церковных проповедей и т. д.

О том значении, которое обе борющиеся стороны придавали документам, аккумулировавшим их взгляды и требования, свидетельствуют меры, применявшиеся и повстанцами и карателями в годы второй Крестьянской войны по выявлению документации своих классовых врагов. В разгар движения на одном из перевозов на р. Суре, по сообщению правительственного документа, «стали воровские люди на заставе человек с пятьдесят и обыскивают у всяких людей письма, хто идет от Синбирска, для того, чтоб не пронесли письма к Арзамасу» (то есть «письма» от симбирских воевод к боярину кн. Ю. А. Долгорукому — главнокомандующему царской армией, расправлявшейся с восставшими). На другом перевозе на той же реке «стоят мордвы и чуваша на заставах человек со 100 и писем осматривают же»⁴⁰. Каратели, со своей стороны, старательно выискивали повстанческие документы, особенно прокламации с призывами к восстанию и расправам с феодалами, конфисковали их и отсылали в Москву. Они придавали также большое значение распространению среди населения, особенно в районах восстания, правительственных документов — призывов. 24 сентября 1670 г. один из отрядов восставших напал в Соловском уезде на жильца А. Хметевского, который вез в Белгородский полк к боярину кн. Г. Г. Ромодановскому царские и патриаршие грамоты. Повстанцы избили царского посланца, отобрали и сожгли грамоты. Последнее обстоятельство вызвало особое беспокойство Ромодановского, так как грамоты нужны были для рассылки по городам и чтения среди местных жителей. Об этом он пишет в Москву в октябре того же года: «А на украине, государь, твои великого государя и патриарши грамоты для утверждения в городах и обнадеживанья всяких чинов людей гораздо надобны. И о присылке, государь,... грамот вели... указ учинить»⁴¹.

Подобные примеры, количество которых можно увеличить, говорят об обстановке острой идеологической борьбы противоборствующих классов в ходе второй Крестьянской войны. Дело доходило до расправ с представителями царской администрации, которые везли «милостивые уговорные грамоты» властей к повстанцам. Подьячего А. Яковлева и трех его «тов рищей», посланных из Касимова в Кадом, Темников и другие города с подобными документами, повстанцы схватили на Савватимской речной переправе, «учели... бить и мучить, и... грамоты изодрали, и выводили... в свои воровские круги по многие дни, и, обножа, клали... на плахи»⁴².

³⁹ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов. Т. I. М. 1954, стр. 183, 212, 235—236; т. II, ч. I. М. 1957, стр. 62, 91, 106, 341, 407.

⁴⁰ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Т. II, ч. I, стр. 191.

⁴¹ Там же. Т. II, ч. II. М. 1959, стр. 58—59, 150.

⁴² Там же. Т. III. М. 1962, стр. 251.

«Прелестные грамоты» — прокламации Разина и его соратников — сохранились в очень небольшом количестве. Но их содержание с той или иной степенью подробности пересказывается во многих правительственных документах, которые подтверждают факт их широкого распространения не только в районах восстания, но и далеко за их пределами. В них сформулированы важнейшие моменты идеологии участников второй Крестьянской войны. Это прежде всего призывы к борьбе, расправе с феодалами, приказными деятелями, богатыми торговцами, всеми, кто стоит на стороне карателей, классовых врагов восставших (стрельцы, солдаты и др.). Далее, прокламации призывают к объединению сил всех угнетенных на борьбу с феодалами, к походу на Казань и Москву. Наконец, особое место занимает в них пункт о нахождении в повстанческой армии царевича Алексея Алексеевича и бывшего патриарха Никона. Таким образом, разинские прокламации, являющиеся выдающимися документами, выражавшими идеологию повстанцев, свидетельствуют, с одной стороны, о классовом подходе в определении врагов всех эксплуатируемых, с другой — о царистских иллюзиях восставших, стремившихся (нередко с чисто агитационными целями) изобразить своими сторонниками некоторых представителей господствующего класса, его верхушки.

Важно отметить, что большое количество прокламаций и других документов (письма, челобитные, грамоты, отписки, списки и т. д.) составлялось при Разине и его «штабе» под Симбирском и рассылалось во все стороны, то же делали и атаманы многих повстанческих отрядов. Все это свидетельствует о наличии в среде восставших элементов сознательности, организованности и даже известной централизованности. При этом повстанческие документы отразили взгляды не только руководителей движения и их ближайших помощников, но и всей массы его участников, так как они прямо перекликаются с многочисленными упоминаниями источников о разговорах среди повстанцев, в которых в разной форме и с разной степенью подробности говорится о целях, планах борьбы с феодалами и властями.

Идеология крестьян феодальной России, во многом наивная и утопическая, все же являлась идеологией; она отражала интересы и требования угнетенных слоев, то есть эксплуатируемого большинства населения страны. Именно эта идеология была на вооружении повстанцев Крестьянской войны начала XVII в., когда крестьяне в районах, охваченных движением (например, «рязанские и пронские мужики» и др.), в течение ряда лет не работали на феодалов, не платили оброчных платежей и государственных налогов, убивали или изгоняли дворян, громили их имения. Именно она руководила действиями разинцев, когда накал классовой ненависти был еще более острым, когда поляризация классовых сил усилилась, когда сами дворяне признавали, что они бегут из района восстания от «разоренья», «войны» «воровских людей» и прежде всего своих крепостных крестьян⁴³.

Во время Крестьянской войны начала XVIII в. также широкие размеры приняла работа по составлению в повстанческой среде различных документов. Реконструкция остатков «повстанческого архива» выявила до 150—200 писем участников движения; в соединении с прокламациями (листовками) они дают чрезвычайно важный материал для понимания движущих сил восстания, намерений и идеологии его участников⁴⁴. Идеологию повстанцев раскрывают их антифеодальные, антикрепостнические лозунги⁴⁵. Примечателен такой интереснейший момент: наряду с царистскими иллюзиями у части восставших во главе с самим Булавиным проявился отход от царистской идеологии, отказ от надежд на ми-

⁴³ Там же. Т II, ч. I, стр. 101, 186.

⁴⁴ Е. П. Подъяпольская я. Указ. соч., стр. 22—52.

⁴⁵ Там же, стр. 107—118.

лость Петра I. Если сначала руководители движения, в том числе и Булавин, отражая надежды повстанцев на доброго царя, обращались к Петру I и начальникам карательных войск, руководствуясь желанием предотвратить разорение Дона, то впоследствии вера в царскую милость исчезает. Под страхом смертной казни Булавин запрещает говорить о царе, принесении ему повинной. Бежавший в Азов из Черкаска представитель донской старшины В. Фролов сообщил властям, что «Булавин учинил в Черкасском заповедь под смертной казнию, чтоб никто про именование великого государя не вспоминал; а буде кто станет говорить, чтоб принести великому государю повинную, и тех людей похваляетца казнить смертию»⁴⁶.

Новые качественные изменения не только в методах борьбы, но и в идеологии крестьянства характерны для Крестьянской войны 1773—1775 годов. Они отразились в программных документах этого движения — манифестах, указах, воззваниях Е. И. Пугачева и его сподвижников, призывавших к уничтожению крепостничества, дворян, отмене податей и налогов, ликвидации помещичьего землевладения и передаче земли, всех угодий, дворянского имущества в вечное и безвозмездное пользование крестьянам — сельским хозяевам, организованным на началах свободного и равноправного общежития в рамках своего созданного по казацкому образцу государства во главе со своим «хорошим», «мужицким» царем⁴⁷. Это была, по словам одного из исследователей, программа социально-экономических и политических преобразований в стране; ее разработал повстанческий штаб («заговорщицкий центр»), сложившийся вокруг Пугачева. На основании этого можно говорить «о значительной организационной и идеологической зрелости движения по сравнению с предшествовавшими народными выступлениями XVII—XVIII вв., об известном движении вперед на пути от стихийной борьбы к сознательному революционному движению, хотя Крестьянская война 1773—1775 гг. носила в своей основе стихийный характер при наличии заметных элементов организации и сознательности»⁴⁸.

Широкое распространение среди народных масс (особенно в районах восстания) освободительных, антикрепостнических идей, пропагандировавшихся в манифестах и воззваниях Пугачева и его сподвижников, настолько перепугало правительство и все дворянство, что они предприняли специальные меры, чтобы конфисковывать и уничтожать пугачевские «злодейские письма». Одно из повстанческих воззваний было даже подброшено к покоям Екатерины II в Зимнем дворце, и 10 января 1774 г. Сенат издает специальный указ о борьбе с повстанческими призывами.

Особенно широкое распространение получил знаменитый июльский манифест Пугачева 1774 г., который В. И. Семевский называет «жалованной грамотой всему крестьянскому люду», «хартией, на основании которой предстояло создать новое, мужицкое царство»⁴⁹. Стремясь оказать противодействие влиянию этого манифеста, генерал П. С. Потемкин, начальник секретной комиссии в Казани, один из царских карателей, составил в августе того же года обращение к народу, «обольщенному Пугачевым». В нем, защищая привилегии своего класса, генерал обрушивается на пугачевский манифест, призывавший к уничтожению его собратьев, и уговаривает население отстать от восстания⁵⁰.

⁴⁶ Там же, стр. 109—110.

⁴⁷ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. II. Л. 1966, стр. 413—443.

⁴⁸ Там же, стр. 418, 420—421.

⁴⁹ Там же, стр. 436; см. также: В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб. 1881, стр. 330.

⁵⁰ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. II, стр. 436—437.

В Крестьянской войне под предводительством Пугачева в гораздо большей степени, чем в предыдущих, выявились особенности идеологии повстанцев. Те программные требования, которые отразились в их манифестах, указах, воззваниях, фокусировались в главном — стремлении русского крестьянства к земле и воле, к «черному переделу», то есть уничтожению помещичьего землевладения, крепостнических отношений, самого класса помещиков-крепостников. По словам В. И. Ленина, «лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забытой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен»⁵¹. Правда, данная ленинская характеристика относится к эпохе капитализма, но ее можно применить и к предшествующему времени, поскольку подобное стремление крестьян в XVII—XVIII вв. устойчиво отражалось в их требованиях. Это свидетельствует о стихийном стремлении крестьян к таким преобразованиям, которые объективно направлены к буржуазному пути развития страны⁵².

Таким образом, во время крестьянских войн сталкивались не только военные силы двух враждующих сторон, но и две идеологии, два взгляда на жизнь, окружающую действительность. Идеи освобождения от крепостного гнета, налогов, произвола властей, идеи равенства и свободы, которые двигали восставшими в ходе крестьянских войн и составляли существенную часть их идеологии, лежали в основе многовековых стремлений русского казачества, образовавшего на окраинах России ряд своеобразных «республик», в определенной степени противостоявших феодально-крепостническому строю. Поскольку само казачество⁵³, его «республики» были результатом классовой борьбы социальных низов, прежде всего крестьянства, в их формировании и деятельности нельзя не видеть своего рода реализацию указанных выше идей, «материализацию» идеологии крестьян, его общинной организации, но без помещиков и правительственного аппарата. В связи с этим важно заметить, что казачьи организации, созданные беглыми русскими и украинскими крестьянами и представителями других угнетенных слоев населения на окраинах страны (казаки запорожские, донские, яицкие и др.), были по своему устройству однотипными: везде всеми делами вершили общие сходки — круги; везде функционировали выборные лица, назначаемые кругами, и т. д. Собственно говоря, эти порядки стали продолжением и развитием традиций крестьянской общины — мира. Это «идеологическое родство» русских крестьян и казаков с полной отчетливостью проявлялось во время крестьянских войн, когда пробуждалась неистребимая тяга восставших к «казацкому обычаю» с его равенством и свободой, выборностью и общими сходками — кругами; во всем этом возрождались в новых условиях старинные вечевые традиции, традиции народных собраний. Поэтому нет никаких оснований, как это иногда делалось в исторической литературе, резко противопоставлять казачество и крестьянство во время крестьянских войн, писать о ведущей роли первого и крайней отсталости второго. Организация казачества, его идеология — в значительной степени порождение того же крестьянства, его идеологии, общинной организации, его многовековых усилий в борьбе с эксплуататорским строем. По сути дела, казачество, участвуя в народных движениях, привнося в среду повстанцев, прежде всего крестьян, элементы организованности и сознательности, свои взгляды, как бы возвращало крестьянам свой исторический долг. Разумеется, при этом следует учитывать, что полученные традиции казаки обогатили опытом,

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 102.

⁵² «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. II, стр. 440—441.

⁵³ Здесь не затрагиваются вопросы о возникновении и развитии неравенства в его среде, о социальном перерождении казачьей верхушки и другие, поскольку это особая тема.

взглядами, приобретенными и выработанными уже в период существования казачьих областей (жизнь без помещиков, навыки в военном деле и др.), и что сами крестьяне, воспринимая «казацкий обычай» в сфере, так сказать, социально-политической (круги, выборность и т. д.), придерживались его отнюдь не во всем; например, они явно не разделяли отрицательного отношения казаков к занятиям земледелием. Недаром пункт о владении землей, освобожденной от помещиков, является одним из главных требований, зафиксированных в повстанческих прокламациях.

В идеологии восставших переплетались консервативные и прогрессивные элементы. Конечно, участники народных движений в силу своей темноты, отсталости, забитости и разобщенности не были в состоянии сформулировать четкую политическую программу, являлись царистами, «наивными монархистами», не имели «идеологов» в позднейшем смысле слова. Но они, как писал В. И. Ленин, «боролись как умели и как могли»⁵⁴, выдвигая в ходе борьбы с угнетателями определенные цели (уничтожение или уменьшение феодально-крепостнической эксплуатации, налогов, прекращение судебных злоупотреблений, насилий и вымогательств власть имущих, расправа с ними, замена «плохих» правителей и их советников «хорошими» и т. д.). Они осуществляли некоторые из своих требований на захваченной ими территории (расправа с феодалами, отмена крепостного состояния, налогов, введение мирского самоуправления с выбором должностных лиц на казацкий манер и т. д.), причем в таких масштабах и формах, в каких до XVII в., до начала «нового периода» русской истории, этого не было и быть не могло.

В идеологии угнетенных, в частности крестьян, большую роль играла вера в «хорошего царя», наивный монархизм. Эта вера, возникновение в социальных низах утопических легенд об «избавителях» делают понятным успех в начале XVII в. самозванцев, особенно первого из них, который сумел на гребне Крестьянской войны, антифеодальной борьбы угнетенных масс захватить московский престол. Монархизм столетиями питался экономической неразвитостью, политической несознательностью русского крестьянина и горожанина, патриархальными устоями, которые идут из глубины веков — от дофеодального родового общества. В наивном монархизме восставших XVII—XVIII вв. можно проследить любопытные черты — они возлагали надежду на монарха, но только на «хорошего» и проявили способность «переориентации» с правителя «плохого» на правителя «доброего», что не наблюдалось до начала XVII в.; более того, они провозглашали «царем» или «царевичем» людей из своей же среды, например, «пашенных мужиков» или боярских холопов («царевичи» Петр, Иван-Август и другие). Следовательно, особа монарха не являлась уже для восставших «неприкосновенной», «священной», ее можно было, согласно их взглядам, заменить другим лицом; главное при этом заключалось в следующем: отвечают ли взгляды и действия очередного кандидата в «цари-избавители» взглядам, стремлениям тех, кто возлагает на него надежды, то есть эксплуатируемых, обездоленных. Следовательно, этот монарх имел в сути своей здоровую прагматическую основу, пусть наивную и неосуществимую, но отнюдь не мистическую, иррациональную, как старались представить это в свое время многие дворянские и буржуазные ученые, писатели, публицисты и проповедники, говорившие о слепой, мистической вере русского мужика в «царя-батюшку». В начале XVIII в., как показали события Крестьянской войны, часть повстанцев проявила способность к изживанию монархических иллюзий.

Таким образом, изучение идеологии русского крестьянства периода феодализма имеет под собой прочную теоретическую и источниковедче-

⁵⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 194.

скую базу. В отечественной историографии немало сделано для исследования проблемы применительно к отдельным народным движениям, в частности крестьянским войнам, сыгравшим важную роль в классовой борьбе против феодалов и крепостнической системы в целом⁵⁵.

Назрела задача рассмотреть проблему в более широком плане — идеология народных движений периода феодализма в целом. Такое «сквозное» изучение на базе марксистско-ленинской методологии позволит выяснить эволюцию идеологических представлений русских крестьян, участников народных движений на протяжении всего существования феодальной формации в России. Исторический подход к изучению проблемы и классовый анализ являются главными требованиями подобного исследования.

⁵⁵ См., например: В. Буганов. Летопись народной борьбы. Труды советских историков о крестьянских войнах в России. «Правда», 21.VIII.1971; Л. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева. «Коммунист», 1973, № 13; А. А. Преображенский. Славная страница народной борьбы. К 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. «Правда», 28.IX.1973.